

УДК 94(47).084.8
DOI: 10.17323/19988613/73/8

А.Ю. Чмыхало, П.А. Винарский

ВЕРТЯЧИЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Исследование посвящено источниковедческому анализу материалов о Вертячийской операции, проводившейся с 22 по 30 ноября 1942 г. силами 24-й армии Донского фронта в рамках более масштабной операции «Уран» – контрнаступления войск Красной Армии и окружения группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом. Источниковедческий анализ материалов о данной операции позволил выявить проблемные аспекты в документальной основе исторического описания событий данной операции и перспективные направления ее изучения для устранения «белых пятен» в объективной картине событий заключительного этапа Сталинградской битвы.

Ключевые слова: Вертячийская операция, Сталинградская битва, Донской фронт, 24-я армия.

Минуло уже более 70 лет со времени окончания Великой Отечественной войны, однако можно достаточно смело утверждать, что далеко не все события тех далеких дней получили должное освещение в отечественной и зарубежной исторической литературе. Казалось бы, Сталинградская битва – одно из тех событий в истории Второй мировой войны, которое получило исчерпывающее освещение не только в многочисленной отечественной и зарубежной исторической литературе, но и в мемуарах участников событий. Однако и здесь мы можем встретить отдельные эпизоды, описание которых носит противоречивый, проблемный характер. Во многом это вызвано тем, что далеко не все события Сталинградского сражения, даже на его заключительном этапе – в период проведения контрнаступления советских войск, окружения и ликвидации окруженной группировки войск 6-й и 4-й танковой армий вермахта, имели для Красной Армии позитивный характер. Одним из таких важных событий было проведение силами 24-й армии Донского фронта Вертячийской операции с 22 по 30 ноября 1942 г. (данное название было использовано для описания наступления войск 24-й Армии Донского фронта на хутор Вертячий в Журнале боевых действий 24-й армии [1]). Данная операция была составной частью операции «Уран» по окружению и ликвидации немецких войск под Сталинградом. Целью ее осуществления было ударом войск 24-й армии в направлении хутора Вертячий прорвать оборону противника, захватить переправы через р. Дон в данном районе и расчленив Сталинградскую группировку войск вермахта от Задонской группировки войск. Достижение поставленной цели должно было способствовать успешной реализации всей операции «Уран» по разгрому немецких войск под Сталинградом. Операция хоть и была завершена со взятием хутора Вертячий, однако не была достигнута одна важная ее составляющая – немецкие войска не были расчленены. Войска вермахта, оборонявшиеся на этом участке фронта, сумели не только нанести крупные потери наступающим частям 24-й армии, но и осуществить планомерный отвод всей За-

донской группировки в районы западнее Сталинграда, тем самым предопределив весь последующий ход событий Сталинградской битвы.

Можно полагать, что недостаточно удачные действия войск 24-й армии Донского фронта и, как следствие, весьма трагический характер развития событий, сопровождавших проведение данной операции, сыграли свою роль в том, что подробности Вертячийской операции не получили должного освещения в отечественных исторических исследованиях, а также в мемуарах, особенно активно издававшихся в советский период. Также и отдельной работы, которая была бы посвящена истории проведения Вертячийской операции, в отечественной историографии Великой Отечественной войны не было написано.

В фундаментальных работах советского и постсоветского периода данной операции отведено совершенно незначительное место. В частности, в работе А.М. Самсонова «Сталинградская битва» рассматриваемая здесь операция вообще не выделяется, а действиям 24-й армии в районе хутора Вертячий посвящено всего несколько строк [2]. В коллективном издании об истории 24-й армии (позднее преобразованной в 4-ю гвардейскую) «От волжских степей до австрийских Альп: боевой путь 4-й гвардейской армии» Вертячийской операции посвящено неполных 7 страниц [3. С. 11–18]. Причем события тех дней представлены в характерном для советского периода стиле – с акцентом на рассмотрении роли партийных органов в действиях Красной Армии и полным отсутствием какого-либо анализа (тем более критического) хода и итогов операции.

В постсоветский период одно из наиболее фундаментальных исследований о Сталинградской битве – это работа А.В. Исаева «Сталинград. За Волгой для нас земли нет» [4]. В ней была предпринята попытка критического анализа наступления 24-й армии. Однако поскольку оно не было основным предметом внимания исследователя, то повествование свелось к рассмотрению действий 16-го танкового корпуса, приданного 24-й армии при проведении данной операции

и указанию на наиболее крупные ошибки командования армии. В частности, автор полагает, что «одной из основных причин неудач 24-й армии было неверное определение начертания переднего края противника. Соответственно, артиллерийская подготовка была проведена по позициям, которые занимались боевым охранением, а не основными силами обороняющихся немецких частей» [4. С. 321].

Среди мемуарной литературы, в которой в той или иной мере рассматриваются события Вертячийской операции, можно упомянуть работы ряда командиров, занимавших на момент проведения операции руководящие должности в составе 24-й армии, а также вышестоящего руководства: Маршала Советского Союза Г.К. Жукова (осенью 1942 г. – представитель Ставки ВГК на Сталинградском направлении) [5], начальника Генштаба Маршала Советского Союза А.М. Василевского [6], командующего Донским фронтом Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского [7], заместителя командующего 24-й армией генерала А.В. Горбатова [8], командира 109-й танковой бригады 16-го танкового корпуса В.С. Архипова [9], командира 214-й стрелковой дивизии генерала Н.И. Бирюкова [10]. Кроме того, в своих мемуарах события Вертячийской операции затронул и бывший командующий 65-й армией генерал П.И. Батов (части 65-й армии в ходе проведения Вертячийской операции были правым соседом войск 24-й армии) [11].

Однако самой многочисленной группой источников, которая стала доступна большинству современных исследователей войны относительно недавно, являются документы объединений, соединений, частей и подразделений Красной Армии, размещенные на интернет-портале «Память народа». Среди них боевые донесения, оперсводки, боевые приказы и распоряжения, отчеты о боевых действиях, журналы боевых действий, директивы и указания, приказы, доклады и рапорты, разведывательные бюллетени и донесения, планы операций, карты, схемы, справки частей и подразделений 24-й армии и других частей и соединений Донского фронта.

В последние годы широкому кругу исследователей стали доступны многочисленные источники, освещающие события Сталинградской битвы не только со стороны Красной Армии, но и со стороны войск вермахта. В настоящий момент исследователи могут ознакомиться с документами 76-й пехотной дивизии VIII армейского корпуса и 384-й пехотной дивизии XI армейского корпуса вермахта (основные части вермахта, противостоящие войскам Красной Армии в ходе Вертячийской операции), а также с документами 6-й армии вермахта за период проведения указанной операции [12].

Цель настоящего исследования состоит в осуществлении источниковедческого анализа материалов о Вертячийской операции войск 24-й армии, выявлении проблемных аспектов и перспективных направлений изучения исторических источников о Вертячийской операции для устранения «белых пятен» в объективной картине событий заключительного этапа Сталинградской битвы.

Вертячийская операция 22–30 ноября 1942 г. в мемуарах советских военачальников

Мемуарная литература всегда представляет определенные сложности для исследователей, стремящихся к воссозданию объективной картины происходивших событий. Однако в период существования СССР мемуары советских военачальников редко выходили за рамки официальной трактовки тех или иных эпизодов исторического прошлого страны, что обуславливало непротиворечивый, взаимодополняющий характер описаний событий прошлого. Тем удивительнее то обстоятельство, что в отношении описания Вертячийской операции, осуществленной силами 24-й армии Донского фронта в период с 22 по 30 ноября 1942 г. мы встречаем не просто различные интерпретации и оценки, но и принципиально разные подходы к реконструкции исторического прошлого, представленного в них. В частности, если в воспоминаниях К.К. Рокоссовского, Г.К. Жукова, А.М. Василевского, П.И. Батова речь ведется от лица автора «по памяти», без ссылок на архивные документы, то в работах военачальников менее высокого ранга – Н.И. Бирюкова и В.С. Архипова – текст изобилует отсылками к фондам ЦАМО.

Кроме того, в данном случае достаточно сложно не только сравнивать, но и корректно дополнять картины событий, создаваемые военачальниками высшего ранга, описаниями военачальников нижестоящего уровня – дивизионного, бригадного. Причина этого в том, что для высшего командования военные действия в первую очередь разворачивались через призму карт, схем, делопроизводственную документацию. Чем ниже уровень управления войсками, чем меньше масштаб охватываемых в документах событий, тем меньше были необходимость и возможности в документировании событий. В этих условиях возрастает ценность воспоминаний тех участников войны, чьи действия не нашли своего полноценного отражения в сохранных документах. В связи с этим можно только сожалеть о том, что в мемуарной литературе в отношении описания событий Вертячийской операции имеет место существенный пробел. Речь идет о воспоминаниях заместителя командующего 24-й армией генерала А.В. Горбатова «Годы и войны». Удивительно, но о данной операции в них не упоминается совсем [8].

По всей видимости, трагический характер хода наступательной операции, с одной стороны, а также стремление разделить итоговый успех освобождения хутора Вертячий, с другой стороны, способствовали тому, что мало кто хотел взять на себя ответственность за формирование замысла и организацию неудачно развивавшегося наступления, но вместе с тем многие желали получить свою долю лавров за окончательный успех. Данное обстоятельство оказало влияние на стремление выяснить причины произошедшего, но вместе с тем порождало и значительные противоречия в изложении событий, имеющие место в мемуарной литературе, желание переложить ответственность за неудачу на других.

С подобной ситуацией мы сталкиваемся уже на уровне описания замысла и подготовки Вертячийской операции, содержащегося в представленных работах.

Так, воспоминания командующего Донским фронтом, будущего Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского относительно замысла наступательной операции 24-й армии в направлении хутора Вертячий сводятся к нескольким основным тезисам:

1) войска армии, располагая имеющимися силами и средствами, не могли рассчитывать на достижение ощутимого успеха, поскольку противник был сильный, маневроспособный и занимал весьма выгодный рубеж, оборудованный еще нашими частями;

2) задача войскам Донского фронта была сформулирована Ставкой, которая обязала фронт именно так использовать армию;

3) противник и местность были хорошо изучены войсками фронта;

4) возложенная на 24-ю армию задача состояла в том, чтобы наступать в междуречье, примыкая своим правым флангом к Дону. Прорвав оборону противника, армия должна была продвигаться на Вертячий, чтобы воспрепятствовать отходу на восточный берег реки вражеских войск, действовавших против 65-й и 21-й армий;

5) однако задача армии при тех средствах, которые были выделены, была невыполнимой;

6) расчет был на то, что своими наступательными действиями 24-я скоует значительные силы противника, лишив его возможности подкреплять свои войска на главном направлении [7. С. 150].

Таким образом ответственность за формирование плана К.К. Рокоссовский возложил на Ставку. Но находит ли подтверждение эта позиция в воспоминаниях представителей Ставки, координировавших действия фронтов в ходе проведения контрнаступления под Сталинградом, – Г.К. Жукова и А.М. Василевского?

В своих воспоминаниях Г.К. Жуков, выполнявший на момент проведения операции функции представителя Ставки ВГК, подтверждает некоторую часть тезисов К.К. Рокоссовского и также указывает, что разработка плана всей операции по осуществлению контрнаступления войск Красной Армии под Сталинградом является заслугой Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба. Ставка поставила задачу силам 24-й армии наступать из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг в общем направлении на Вертячий с целью отсечения войск противника, действовавших в малой излучине Дона, от его группировки в районе Сталинграда [5. С. 99–101].

А.М. Василевский в мемуарах «Дело всей жизни» не приводит каких-либо фактов, которые могли бы позволить поставить под сомнение авторство Ставки в разработке замысла и плана контрнаступления под Сталинградом, однако никаких подробностей операции 24-й армии не приводится, за исключением того, что он, как и Г.К. Жуков, 4 ноября 1942 г. принимал участие в совещании руководящего состава Донского фронта, на котором рассматривались вопросы предстоящего наступления [6. С. 224–227]. Ни Г.К. Жуков, ни А.М. Василевский не приводят подробности проводившегося совещания, однако у нас в распоряжении имеются свидетельства еще одного автора, присутствовавшего на нем, – командующего 65-й армией Донского фронта П.И. Батова.

Воспоминания П.И. Батова позволяют несколько иначе взглянуть на замысел наступления 24-й армии в направлении хутора Вертячий: во-первых, он утверждает, что участок, избранный для прорыва в полосе 24-й армии (высота 56,8), – это был вопрос из области фронтового планирования [11. С. 173–174], а значит, и командование фронтом, зная об эффективной обороне немцев, построенной на этом участке, могло изменить направление главного удара армии; во-вторых, П.И. Батов утверждает, что командование 65-й армией старалось найти наиболее правильное решение, а позже, в ходе операции, вносило необходимые коррективы [Там же. С. 174]. Исходя из этого, можно полагать, что командование 24-й армией и Донского фронта могло принять другое решение вместо осуществления лобового удара по обороне противника или изменить его направление после неудачного начала наступления.

Почему же командование 24-й армией не пошло на то, чтобы изменить план наступления или скорректировать направление удара уже в ходе неудачно разворачивавшейся операции? Возможный ответ предложил Н.И. Бирюков (в ноябре 1942 г. командир 214-й стрелковой дивизии 24-й армии). В своих воспоминаниях он описывает ситуацию своего знакомства с замыслом Вертячийской операции, произошедшего 7 ноября 1942 г. Из них следует, что командарм 24-й генерал И.В. Галанин был убежден в необходимости проведения наступления на хутор Вертячий посредством лобового удара в направлении высоты 56,8. Альтернативные варианты проведения наступления он не желал рассматривать, поскольку полагал, что взятие указанной высоты приведет к краху всей системы обороны немцев на данном участке [10. С. 113–114].

Таким образом, подводя итог анализу текстов мемуаров, направленному на выяснение автора замысла и плана Вертячийской операции, можно констатировать, что данный вопрос остается до конца не проясненным. В конце 1960-х – начале 1970-х гг., когда были опубликованы воспоминания К.К. Рокоссовского, П.И. Батова и Н.И. Бирюкова, оппонировать им было некому, поскольку бывшего командарма 24-й И.В. Галанина уже не было в живых (умер в 1958 г.), а бывший заместитель командарма А.В. Горбатов не принял участия в дискуссии по данному вопросу.

Относительно хода и итогов операции позиция авторов мемуаров не менее противоречива и также оказалась предметом заочной дискуссии. Достаточно отличные друг от друга позиции представлены в воспоминаниях К.К. Рокоссовского, П.И. Батова, Н.И. Бирюкова, а также командира 109-й танковой бригады 16-го танкового корпуса В.С. Архипова, в которых содержатся некоторые подробности проведения операции. Воспоминания К.К. Рокоссовского по этому поводу, как и в случае с замыслом операции, весьма немногословны и сводятся к следующим тезисам:

1) наступление 24-й армии с целью отрезать отход на восточный берег Дона соединений противника, атакованных 65-й и 21-й армиями, не увенчалось успехом, как и предполагал автор воспоминаний;

2) автор сожалеет, что силы и средства, которыми была подкреплена 24-я армия, не были переданы войскам, успешно продвигавшимся вперед,

3) 24-я армия в какой-то степени содействовала общей операции, сковывая и отвлекая на себя значительные силы врага;

4) вину за неудачу наступления нельзя относить только на счет командарма Галанина, хотя он допустил некоторые ошибки;

5) причина неудачи – недостаток у армии сил, что-бы преодолеть крепкую оборону противника,

6) войска 24-й армии смогли оттянуть в район наступления непосредственно из-под Сталинграда несколько дивизий;

7) автор, скорее, удовлетворен неудачей 24-й армии, поскольку если бы маневр удался, то получился бы слоеный пирог – окружение в окружении, что потребовало бы привлечения почти всех войск фронта. По всей видимости, удовлетворительным решением штаб фронта не располагал, поскольку «план этот так и повис в воздухе» [7. С. 152–155].

С другой стороны, мы имеем воспоминания П.И. Батова и Н.И. Бирюкова. В описании событий наступления их содержание в значительной степени согласуется друг с другом даже в некоторых мелких деталях. По всей видимости, в воссоздании событий Вертячийской операции П.И. Батов использовал воспоминания Н.И. Бирюкова – своего бывшего подчиненного (в январе–феврале 1943 г. 214-я стрелковая дивизия входила в оперативное подчинение 65-й армии), хоть прямо на них и не ссылается. При этом позиция П.И. Батова несколько отличалась от описания, представленного К.К. Рокоссовским. В частности, он указывал на следующее:

1) расчет командарма 24-й на то, что артиллерия РВГК (семь артиллерийских полков усиления и четыре полка гвардейских минометов) задавит немцев на высоте 56,8, не оправдался. После мощной артподготовки атакующая дивизия осталась всего с 40 стволами, из которых 10 были заняты контрбатарейной борьбой. В итоге 214-я стрелковая дивизия два дня вела безуспешные бои;

2) Галанин обвинил левофланговые дивизии 65-й армии в бездействии, которое ставило 24-ю армию в тяжелое положение. К.К. Рокоссовский вмешался в спор, отчитал Галанина за неправдивость, но при этом не изменил решения о проведении лобового удара;

3) именно Галанин, дав волю нервам, утром 24 ноября ввел в бой 16-й танковый корпус, направив его на прорыв обороны противника через боевые порядки 214-й дивизии. При этом командир танкового корпуса генерал А.Г. Маслов и сам командарм ограничились приказом – сделать проходы для танков в минных полях. Ни один из офицеров корпуса не был на местности, вопросы взаимодействия со стрелковой дивизией отработаны не были. В итоге несколько танков подорвалось, другие прошли вперед и погибли под огнем противотанковых пушек врага. Корпус был выведен из боя;

4) 24-я армия не прошла на Вертячий. Переправы также оставались еще некоторое время в руках противника [11. С. 214–215].

Как уже было сказано, по всей видимости, П.И. Батов опирался на воспоминания Н.И. Бирюкова, практически один в один воспроизводя некоторые эпизоды Вертячийской операции, однако в позиции последнего имеется ряд дополнительных обстоятельств. Кратко отметим некоторые из них: фронт наступления 214-й сд составлял немногим более 2 км, справа наступала 120-я сд полковника Джахуа, слева 49-я сд генерала А.Н. Черникова. Наступление дивизии поддерживали: один гаубичный и один легкий артполк, один тяжелый гвардейский минометный полк и два дивизиона гвардейского минометного полка, рота огнеметов. Всего около 42 стволов на километр фронта; в начале наступления 22 ноября 1942 г. под прикрытием артподготовки саперы проделали проходы в проволочных заграждениях и минных полях у подножия высоты 56,8; после залпа «катюш» 214-я сд перешла в наступление и захватила траншею переднего края обороны 76-й пехотной дивизии немцев. Вскоре выяснилось, что в результате артподготовки огневая система обороны немцев не была подавлена. Существенное препятствие представляла артиллерия соседней 384-й пехотной дивизии немцев, ведущей огонь с правого берега р. Дон; соседи справа и слева успеха не имели. Н.И. Бирюков обвиняет командира 120-й сд полковника Джахуа в бездействии, однако к вечеру 22 ноября высота 56,8 все же взята; в ночь на 23 ноября 1942 г. части 214-й сд в результате контратаки 76-й и 384-й пд немцев оставляют высоту 56,8; в ночь на 23 ноября 1942 г. командование Донским фронтом решает ввести в действие 16-й танковый корпус с рубежа, занятого накануне 214-й сд, дивизионному инженеру вновь отдан приказ о необходимости проделать проходы в минных полях (почему-то это потребовалось делать повторно, хотя в начале наступления их уже должны были проделать); утром 23 ноября 1942 г. танкисты 16-го тк открывают артиллерийский огонь и разворачиваются в боевые порядки для наступления, но раньше назначенного рубежа, в результате этого под обстрел попадают части 214-й сд; командир 16-го тк генерал А.Г. Маслов отказался увязывать взаимодействие с командиром 214-й сд, что привело к тому, что танки корпуса, игнорируя отмеченные проходы, напарываются на минное поле и теряют несколько боевых машин.

В итоге наступление 16-го тк не внесло существенных изменений в обстановку, как и ввод в сражение 24 ноября 1942 г. 84-й стрелковой дивизии; немцы усиливали оборону 76-й пехотной дивизии, перебросив на этот участок подразделения 176-го транспортного отряда, 176-го саперного батальона и пр.; 26 ноября в наступление в направлении хутора Вертячий вводятся части 233-й стрелковой дивизии при поддержке еще одного тяжелого гвардейского минометного полка, двух дивизионов минометного полка и двух гвардейских тяжелых танковых полков, однако оборона немцев перед фронтом 24-й армии рухнула только тогда, когда 27 ноября им в тыл вышли войска 65-й армии; сравнение результатов разведки и аэрофотоснимков немецкой обороны после взятия высот перед хутором Вертячий показало их высокую достоверность, но, как указывает Н.И. Бирюков в заключение

своего повествования о деталях наступления, им почему-то не было веры в штабе армии; 29 ноября 1942 г. войска 65-й и 24-й армий ворвались в хутор Вертячий [10. С. 119–141].

Воспоминания еще одного участника тех боев – бывшего командира 109-й танковой бригады 16-го танкового корпуса В.С. Архипова – с одной стороны, несколько ограничены по времени, поскольку корпус вступил в сражение только утром 23 ноября 1942 г., а 26 ноября 1942 г. воевал уже в качестве батальона сводной бригады, созданной из танков, оставшихся после больших потерь предыдущих дней. Кроме того, многие вопросы стратегического, оперативного и даже тактического уровня, связанные с проведением Вертячийской операции ему не могли быть ведомы в силу должного положения. С другой стороны, воспоминания В.С. Архипова позволяют несколько по-иному взглянуть на ход операции в силу того, что он представляет танкистов 16-го танкового корпуса, т.е. тех, кого некоторые из указанных выше авторов прямо обвиняли в неудачах первых дней проведения наступления.

Основные отличительные особенности позиции В.С. Архипова в представлении событий Вертячийской операции состоят в том, что, по его утверждению, в танковом корпусе знали, что в соответствии с планом они должны будут принять участие в наступлении в полосе 24-й армии, однако не имели сведений ни о конкретном времени, ни о месте, где это произойдет. Боевой приказ от командования корпусом поступил только в 2 часа ночи 23 ноября 1942 г., когда уже не было времени провести даже беглую рекогносцировку местности. В воспоминаниях В.С. Архипова мы находим и объяснение некоторой самонадеянности танкистов при преодолении минных полей, о которой упоминал Н.И. Бирюков. Она была обусловлена наличием на вооружении 109-й танковой бригады минных тралов, позволявших сходу преодолевать минные поля и проволочные заграждения. Именно поэтому уже в самом начале ввода бригады в сражение она смогла преодолеть оборону немцев, но вынуждена была вернуться, поскольку пехота 214-й сд залегла и не поддержала танковую атаку.

24 ноября 1942 г. 109-я танковая бригада смогла прорваться к хутору Вертячему, о чем было доложено командованию 16-м танковым корпусом. Этот факт, как утверждает В.С. Архипов, смог непосредственно подтвердить начальник штаба Донского фронта генерал М.С. Калинин, который вместе с сопровождающими его лицами на трех легковых машинах также проехал к хутору (при этом пехотинцам 120-й и 214-й стрелковых дивизий, между порядками которых наступала бригада, почему-то этого сделать не удалось). Не сумев закрепиться на окраинах Вертячего, вечером 24 ноября 1942 г. бригада получает приказ вернуться на исходные позиции в районе Панышино. В итоге генерал Галанин на заседании Военного Совета армии раскритиковал действия 16-го танкового корпуса, но присутствовавший на заседании М.С. Калинин заявил, что 109-я танковая бригада – единственная часть, которая выполнила боевую задачу. В подтверждение своих слов В.С. Архипов приводит ссылки не только на архивные докумен-

ты, но и на наградные документы, в которых указано, что бойцы и командиры 109-й танковой бригады были награждены именно за прорыв к хутору Вертячий [9. С. 161–169].

Подводя предварительный итог сказанному, можно указать, что обзор содержания мемуаров указанных выше военачальников порождает множество вопросов и противоречий, а именно:

1. Не представляется возможным четко установить авторство наступления 24-й армии в направлении хутора Вертячий посредством атаки вдоль левого берега Дона;

2. Если командование 24-й армией и Донским фронтом располагало достаточно полной информацией о противнике и инженерном оборудовании их позиций, то почему не предприняло никаких усилий к тому, чтобы изменить направление главного удара?

3. Преждевременный ввод в сражение 16-го танкового корпуса – это решение генерала Галанина или командования фронтом?

4. На ком лежит основная ответственность за неудачу наступления – на генерале Галанине, на командире 16-го тк Маслове, на командире 49-й стрелковой дивизии генерале А.Н. Черникове и 120-й стрелковой дивизии полковнике Джахуа, на войсках 65-й армии или на стрелковых частях 24-й армии, которые не смогли поддержать наступление танков 16-го танкового корпуса?

5. Ввод в сражение 16-го тк не внес существенных изменений в обстановку или его части единственные, кто выполнил боевую задачу, прорвавшись к хутору Вертячий?

6. Основная причина неудачи – недостаток у армии сил, чтобы преодолеть крепкую оборону противника, или их введение по частям позволяло немцам последовательно уничтожать те части, которые находились на острие наступления?

7. Войска 24-й армии смогли оттянуть в район наступления непосредственно из-под Сталинграда несколько дивизий или только 384-ю пехотную дивизию немцев, которая была перебросена с противоположного направления – с правого берега Дона – ввиду необходимости сокращения фронта?

8. Какова роль артиллерии в неуспехе наступления 24 армии?

9. Какова цена, заплаченная за неудачно проведенную операцию и пр.

Анализ мемуарной литературы ярко продемонстрировал одну из специфических черт данного вида исторических источников, которая состоит в том, что применительно к освещению конфликтных ситуаций, неудач, поражений мы, как правило, сталкиваемся с многочисленными противоречиями, которые не могут быть разрешены без привлечения дополнительных источников. Способны ли архивные документы, которые появились в распоряжении современного поколения историков, устранить хотя бы некоторые из них? Для ответа на этот вопрос рассмотрим комплекс документов объединений, соединений, частей и подразделений Красной Армии, принимавших непосредственное участие в Вертячийской операции, размещенный на интернет-портале «Память народа».

Состав комплекса архивных документов частей и соединений Красной Армии по истории военных операций периода Великой Отечественной войны: краткая характеристика

Обращаясь к анализу документов частей и соединений Красной Армии, датируемых второй половиной 1942 г., в первую очередь необходимо сформировать представление о том комплексе документов, который создавался в ходе текущего делопроизводства в частях и соединениях РККА в тот период. Данное основание позволит нам оценить масштабы и полноту комплекса документов, который содержится в архивных учреждениях России и может быть доступен для ознакомления современным исследователям. Перечень основных нормативных актов, определявших порядок ведения делопроизводства в Красной Армии, был введен в действие в 1939 г. и применялся в течение всей войны. Среди данных документов можно выделить следующие:

1) Перечень дел и материалов со сроками архивного хранения для центральных управлений НКО СССР, введен в действие приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 0111 от 3 июня 1939 г.;

2) Перечень дел и материалов со сроками архивного хранения для управлений и отделов округа (армии), введен в действие приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 0112 от 3 июня 1939 г.;

3) Наставление по секретному делопроизводству в РККА, введено в действие приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 0150 от 4 сентября 1939 г.;

4) Наставление по несекретному делопроизводству в РККА, введено в действие приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 170 от 4 сентября 1939 г.;

5) приказ НКО и НКВД СССР 1940 г. № 61/193 от 19 марта 1940 г. «О сроках и порядке сдачи архивных дел воинскими частями, учреждениями и заведениями РККА в государственные архивы системы НКВД СССР».

В соответствии с этими нормативными актами в делопроизводстве подразделений, частей, учреждений и других структур РККА использовались различные виды документов. Казалось бы, учитывая высокую степень централизации и регламентации практически всех сфер деятельности Красной Армии, аналогичного положения вещей можно было бы ожидать и в области делопроизводства и хранения документов, однако здесь мы встречаем несколько иную картину. В частности, Отдел архивов Наркомата обороны Союза ССР (с 29 июля 1940 г. – в составе Управления Делами НКО СССР) согласно Положению о данном отделе хранил только военно-архивные документы Реввоенсовета, Народного комиссариата по военным и морским делам, Народного комиссара обороны, а также их отделов и центральных управлений. В центральном и окружном аппарате организовывались объединенные архивы (один архив для центральных управлений и по одному – на аппарат округа, армии). При войсковых частях, соединениях, учреждениях и заведениях также организовывались самостоятельные архивы. Архив-

ные документы со сроком хранения свыше 10 лет по истечении 10-летнего хранения в архиве части, соединения, учреждения, заведения или в объединенном архиве округа (армии), в объединенном архиве центральных управлений НКО СССР должны были передаваться на дальнейшее хранение в архивы системы ГАУ НКВД СССР в следующем порядке:

а) архивы войсковых частей, военно-учебных заведений, военных трибуналов, штабов соединений, штабов военных округов (армий), центрального аппарата НКО СССР и прочих структур передавались на дальнейшее хранение в Центральный архив Красной Армии;

б) архивы складов, мастерских, предприятий, госпиталей, Домов Красной Армии, местных органов военного управления и прочих учреждений передавались на дальнейшее хранение в военные отделы ближайших республиканских или краевых (областных) архивов системы ГАУ НКВД СССР.

Архивные документы войсковых частей, выступавших в поход, должны были сдаваться в архивы местных органов военного управления, а последние обязаны были сдать эти документы в Центральный архив Красной Армии [13].

Очевидно, что в условиях военных потрясений данная система формирования и хранения архивных документов о боевой деятельности РККА давала сбои. Поскольку документы легче было сдать в Отдел архивов НКО СССР, то согласно Приказу НКО № 0331 от 30 августа 1941 г. войсковые части, соединения, учреждения и заведения Красной Армии в целях разгрузки от излишней документации должны были архивный материал сдавать в г. Бузулук, где находилось хранилище Отдела архивов НКО СССР [14].

Вскоре выяснилось, что документы сдаются в неупорядоченном виде, среди сдаваемого материала много откровенной макулатуры, не имеющей исторического значения. По этому поводу был издан приказ «Об устранении недостатков в отборе и сдаче архивных материалов для хранения» № 0174 от 5 марта 1942 г. В нем, в частности, указывалось, какие документы должны направляться на хранение в первую очередь, а именно: журналы военных действий, боевые приказы, оперативные и разведывательные сводки, итоговые доклады, рисующие замысел, ход и результаты проведенных боев и операций, документы, свидетельствующие о деятельности отдельных родов войск и служб, материалы с оценкой деятельности и численности неприятельских войск, карты и схемы, отображающие динамику боевых действий частей и соединений, документы о героизме и мужестве как отдельных лиц, так частей и соединений и прочие материалы, отображающие развитие и боевую деятельность частей и соединений Красной Армии [15].

В напряженных условиях оборонительных и наступательных операций 1942–1943 гг. вопросу сохранности архивных документов хоть и уделялось определенное внимание, но далеко не всегда требования приказов были реализуемы на уровне частей и подразделений Красной Армии. Именно поэтому на уровне фронтов и соединений издавались специальные приказы о необходимости вести журналы боевых действий. К пробле-

ме устранения недостатков в сохранении документов на уровне армии в целом вновь обратились в 1944 г., когда был издан приказ заместителя наркома обороны «О сохранении военно-исторических документов Отечественной войны и своевременной сдаче их историко-архивному отделу НКО» № 0290 от 30 августа 1944 г. Данный приказ обязал штабы частей, соединений и прочих структур своевременно и согласно требованиям приказа НКО № 170 1939 г. сдавать архивные документы на хранение в историко-архивный отдел НКО [16]. Этот приказ обеспечил сохранение большого массива документов, а также составление новых документов, которые по тем или иным причинам не были выпущены вовремя.

Таким образом, анализ развития нормативной основы, которой руководствовались в частях, соединениях Красной Армии в довоенный период и в период войны в области делопроизводства и архивного дела, показывает, что документальные материалы по истории тех или иных операций, осуществленных частями и соединениями Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, могут включать в себя четко очерченный круг основных форм документов, а именно: журналы военных действий, боевые приказы, оперативные и разведывательные сводки, итоговые доклады, карты и схемы.

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос о комплексе документов, касающихся учета потерь и погребения личного состава Красной Армии. По этому поводу 15 марта 1941 г. был издан Приказ НКО № 138 «О персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время». Согласно данному приказу учет персональных потерь должен был вестись на всех уровнях организации Красной Армии, начиная с командиров отделений, взводов, рот, штабов батальонов и полков, по формам 1, 1а, 1б, 2. Учетные документы нижестоящих подразделений обобщались в учетных документах вышестоящих подразделений.

Начиная с дивизионного уровня, документы, связанные с персональным учетом потерь и погребением, уже не обобщались, а непосредственно передавались в Управление по укомплектованию войск Генштаба Красной Армии. В штабе дивизии (бригады), корпуса по результатам персонального учета потерь личного состава полков (отдельных частей) дивизии должны были составляться именные списки по форме 2а безвозвратных потерь (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести и взятые в плен) за все части, в том числе и за тыловые учреждения, входящие в состав дивизии (бригады), которые следовало высылать три раза в месяц – к 1-му, 10-му и 20-му числу каждого месяца – в Управление по укомплектованию войск Генштаба Красной Армии. При этом штаб корпуса представлял именные списки потерь только за управление корпуса, корпусные части, тыловые и лечебные учреждения, непосредственно подчиненные корпусу.

В штабе армии (фронта) персональный учет потерь личного состава предусматривал составление к 1-му, 10-му и 20-му числу каждого месяца и представление в Управление по укомплектованию войск Генштаба

Красной Армии именованного списка безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава по форме 2 только за личный состав штаба армии (фронта), частей и учреждений армейского управления, за тыловые и санитарные учреждения, непосредственно подчиненные армии, фронту.

Лечебные учреждения должны были составлять по форме 3 списки военнослужащих, умерших от ран в лечебном учреждении, а также умерших в пути при эвакуации, и представлять их в соответствующие штабы один раз в 5 дней. Лечебные учреждения, расположенные в тыловых округах, представляли аналогичные по форме списки в санитарный отдел округа и далее – в Управление по укомплектованию войск.

И последний уровень учета – это учет в районном (городском) военном комиссариате. Здесь учетные документы велись на основании полученных извещений от войсковых частей на убитых, умерших от ран, пропавших без вести военнослужащих, которые оставались в комиссариате для учета, а родственникам военнослужащего выдавалось извещение от райвоенкомата (форма 4).

По результатам проведения процедуры погребения погибших или умерших от ран в штабе дивизии должна была составляться книга погребения по форме 6 и высылаться в Управление по укомплектованию войск [17].

Таким образом, в отношении персонального учета потерь в архивных фондах, содержащих документы частей и соединений Красной Армии, должно содержаться как минимум четыре основных формы учетных документов – форма 2а, форма 3, форма 6 и учетная форма персональных потерь райвоенкоматов.

Архивные документы частей и соединений Красной Армии как источник по истории военных операций периода Великой Отечественной войны: краткая характеристика

Как было установлено выше, основными формами архивных документов, содержащих информацию об операциях, осуществленных войсками Красной Армии в годы Великой Отечественной войны являются журналы военных действий, боевые приказы, оперативные и разведывательные сводки, итоговые доклады, карты и схемы. Рассмотрим их более подробно.

Назначение и содержание всех обозначенных форм документов, создаваемых в частях и соединениях Красной Армии в ходе проведения Сталинградской битвы, определялось Наставлением по полевой службе штабов Красной Армии, утвержденным 17 марта 1942 г. [18. С. 19]. В соответствии с ним журнал боевых действий – это боевой документ, который предназначается для нужд самого штаба и содержит оперативно-отчетный материал. В тексте Наставления по полевой службе штабов содержание журнала четко не определялось, поэтому вышестоящие штабы издавали специальные приказы, регламентирующие содержание журнала для штабов частей и соединений Красной Армии. Один из образцов подобного рода приказов содержится в тексте журнала боевых действий 84-й стрелковой дивизии [19]. В ходе оборонительных и наступатель-

ных боев, отступления, больших потерь среди работников штаба во многих частях и соединениях в течение 1942–1943 гг. журналы боевых действий велись далеко не всегда регулярно, что оказало влияние на полноту комплектности данной формы документов по частям и соединениям Красной Армии. Журнал включал в себя три основные колонки: дата событий; задача соединений (частей) и перечень событий в боевой деятельности войск; наименование и номер документов. В журнале подлежали обязательному ежедневному освещению следующие вопросы: противник (все имеющиеся сведения о противнике); войска армии, дивизии (общая характеристика боевых действий всего соединения / части за сутки, описание боевой деятельности подчиненных частей; наиболее выдающиеся подвиги отдельных бойцов, командиров и политработников), при этом армии должны освещать боевую деятельность до полков, дивизии – до батальонов); танковые соединения; кавалерийские соединения; ВВС; потери и трофеи за сутки; приказы и приказания вышестоящего командования и штаба; переговоры по прямому проводу, телеграфу, телефону с вышестоящим командованием и штабом; доклады, отчеты, донесения вышестоящему командованию, штабу; приказы и приказания подчиненным соединениям / частям, подразделениям; переговоры по прямому проводу, телеграфу, телефону с командованием, штабами подчиненных соединений и частей; войсковой тыл; связь, управление войсками (работа штаба, выезды на передовую командармов, комкоров, комдивов; места расположения КП); соседи; погода, дороги.

Таким образом, в содержание данной формы документа включались все основные сведения о деятельности войск за период боевых действий, что позволяло избавить штабы от необходимости хранить иные формы документов (приказы по отдельным вопросам, донесения, переписку и пр.) после истечения срока их хранения.

Содержание таких форм документов, как боевой приказ, оперативная и разведывательная сводка, а также порядок работы с картами и схемами также были определены в тексте Наставления по полевой службе штабов Красной Армии [18. С. 19–28, 31–32]. Совокупность данных документов могла позволить составить достаточно полное представление о действиях войск в ходе ведения военных действий, проведения тех или иных операций. В частности, боевой приказ должен был содержать характеристику группировки и войск противника, задачи соединений и частей в ходе проведения боев, а также задачи соседей, частей всех родов войск, находящихся в подчинении. Оперативная сводка предназначалась для того, чтобы дать полное и достоверное представление о произошедших изменениях в обстановке или в ходе боя, о положении своих войск и противника, о потерях и трофеях и пр. Разведывательная сводка – это документ, в котором должны были содержаться исчерпывающие сведения о противнике. Карты и схемы – документы, основное назначение которых состояло в том, чтобы дать представление об обстановке в целом.

Не упоминается в тексте Наставления о такой форме, как итоговый доклад, однако в массиве документов

частей и соединений Красной Армии, хранящихся в фондах ЦАМО, такие документы имеются.

Обзор содержания выделенных в приказе «Об устранении недостатков в отборе и сдаче архивных материалов для хранения» № 0174 от 5 марта 1942 г. форм документов позволяет сделать вывод, что их содержание фиксировало значительный объем событий, которые происходили в ходе военных действий как со стороны Красной Армии, так и на стороне противника. Однако нельзя не отметить и того, что все обозначенные выше документы создавались в недрах штабов полков, бригад, дивизий и выше и, соответственно, в первую очередь отражали точку зрения командования высокого ранга и штабных работников на события войны. Кроме того, основное их предназначение заключалось в реализации управленческой функции командования и штаба, а не в описании исторической картины событий войны.

Архивные документы частей, соединений и объединений Красной Армии как источник по истории Вертячийской операции

Основная масса архивных документов командования и штаба Донского фронта, командования и штаба 24-й армии за период с октября 1942 г. по февраль 1943 г., размещенных на интернет-портале «Память народа», которые потенциально имеют отношение к планированию и осуществлению Вертячийской операции, сосредоточены в ЦАМО в фонде 206 [20]. Однако на портале представлены документы с большими изъятами номеров дел. Из 213 порядковых номеров дел описи 262 представлено всего 123 дела, 90 дел отсутствуют.

Основной перечень видов документов, входящих в состав фонда 206 и принадлежащих авторству командования и штаба Донского фронта, включает в себя: планы работы партийного бюро штаба фронта, боевые распоряжения штаба, частные боевые приказы, распоряжения управления тыла фронта, разведсводки штаба фронта, боевые распоряжения штаба АВТУ, справки о наличии танков в строю в танковых частях, боевые донесения штаба фронта, оперативные сводки штаба ОГ ГМЧ фронта, оперативные сводки штаба фронта, журналы боевых действий, оперативные карты, сводки о трофеях и потерях, нанесенных противнику войсками фронта, план-схемы операций, оперативное ориентирование штаба фронта, боевые характеристики на дивизии, входившие в состав фронта, в частности доклад о действиях 16-го танкового корпуса и 49-й стрелковой дивизии, принимавших участие в Вертячийской операции [Там же].

Основной перечень видов документов, входящих в состав фонда 206 и принадлежащих авторству командования и штаба 24-й армии, включает в себя: боевые приказы штаба армии, оперативные сводки штаба армии, боевые донесения штаба армии, карточки учета численного и боевого состава боевых частей армии [Там же]. Кроме того, документы 24-й армии сосредоточены в фонде 320 [1]. Из них наибольшую значимость для описания событий Вертячийской операции

представляют приказы по 24-й армии и журнал боевых действий. Ценность данных документов для реконструкции хода Вертячийской операции различна. Среди документов указанных фондов в первую очередь можно выделить журналы боевых действий фронта и 24-й армии за октябрь–ноябрь 1942 г. (т.е. за период подготовки и проведения Вертячийской операции). В них не только содержится описание событий за все дни проведения операции, но и имеются ссылки на исходные документы командования и штаба фронта и 24-й армии.

Анализ содержания журналов боевых действий показывает, что в представленных на портале документах Донского фронта и 24-й армии имеются значительные изъяты, которые не позволяют в полной мере разрешить те вопросы и противоречия, которые были обнаружены в текстах мемуаров советских военачальников относительно тех или иных эпизодов осуществления Вертячийской операции. В частности, в составе представленных фондов отсутствуют дела, содержащие боевые приказы командования фронта и армии, отсутствует ряд боевых распоряжений командования фронтом, план-схема Вертячийской операции, разведывательные сводки штаба 24-й армии, которые могли бы позволить более четко ответить на ряд выявленных выше противоречий. Кроме того, в документах 24-й армии содержится боевой приказ № 026/оп от 10 ноября 1942 г. [20. Д. 9], в тексте которого имеется рукописная заметка о том, что подлинник данного приказа содержится в деле «Вертячийская операция 24-й армии». Однако данного дела среди представленных на портале документов в указанных выше фондах нами не обнаружено. Вместе с тем наличие текстов журналов боевых действий Донского фронта и 24-й армии, боевых приказов 24-й армии позволяют уточнить и дополнить картину наступления войск армии на хутор Вертячий, представленную в мемуарах советских военачальников.

Что касается вопроса об авторстве Вертячийской операции, то среди представленных на портале документов нами не обнаружено документа, который бы однозначно указывал автора замысла данной операции. Вместе с тем в журнале боевых действий Донского фронта за 23 ноября 1942 г. [Там же. Д. 79. С. 66] нами обнаружено указание на то, что задача по овладению хутором Вертячий была поставлена перед 24-й армией в соответствии с приказанием командующего фронтом согласно директиве Генерального штаба Красной Армии (текст данных документов должен содержаться в боевом распоряжении № 00147/оп, однако среди представленных на портале боевых распоряжений командования Донским фронтом данное распоряжение отсутствует [Там же. Д. 2]). Кроме того, после неудачи первого дня наступления командование фронтом не только не попыталось внести какие-либо изменения в направление удара, но выпустило боевое распоряжение № 20899, в котором «Командующий фронтом поставил Командарму 24, не считаясь ни с какими жертвами, овладеть Вертячий и Песковатка, не допустив переправы противника через р. Дон на восток» [Там же. Д. 79. С. 66]. В период с 23 по

27 ноября 1942 г. в соответствии с этим распоряжением командование 24-й армией стало последовательно вводить в бой в направлении главного удара армии на хутор Вертячий следующие части:

- 1) 23 ноября 1942 г. – 16-й танковый корпус,
- 2) 24 ноября 1942 г. – 84-ю стрелковую дивизию,
- 3) 27 ноября 1942 г. – 233-ю стрелковую дивизию и 8-й и 9-й гвардейские танковые полки.

Также последовательно в ходе наступательных боев эти части, неся гигантские потери в живой силе и технике, фактически за 1–2 дня боев утрачивали свою боеспособность [1. Д. 10. С. 25–43], но так и не выполнили задачу по недопущению отхода немецких войск через р. Дон. Всего за период с 20 по 30 ноября 1942 г. части 24-й армии (в основном части, наступавшие на хутор Вертячий) потеряли убитыми, ранеными, заболевшими и пропавшими без вести 13 256 человек [Там же. С. 87] из общего состава частей и подразделений 24-й армии, принимавших участие в операции, в количестве 60 848 человек (без учета численности войск 16-го тк) [Там же. С. 82].

При этом в ходе Вертячийской операции войскам 24-й армии противостояли 76-я пехотная дивизия и часть сил 384-й пехотной дивизии немцев, которые согласно «Справке в группу армий о боевом и численном составе дивизий», содержащейся в Журнале боевых действий 6-й армии вермахта за 13 ноября 1942 г., имели на довольствии в составе 76-й пехотной дивизии 8 023 человека, в том числе хиви – 4 988 человек, и в составе 384-й пехотной дивизии 8 821 человека, в том числе хиви – 1 765 человек [12], т.е. всего 16 844 человека, из них хиви – 6 753. В ходе Вертячийской операции данные дивизии хоть и понесли существенные потери (которые невозможно с достаточной долей точности проследить по данным журналов боевых действий 6-й армии, 76-й и 384-й пехотных дивизий), однако не утратили боеспособности и продолжали сопротивление вплоть до капитуляции 6-й армии.

В связи с этим очевидно, почему позднее, воссоздавая картину боев, советские военачальники не желали брать на себя ответственность за столь неудачно проведенную операцию, перекладывая вину друг на друга. Также очевидна ошибочность позиции командования фронтом, которое упорно, на протяжении нескольких дней, разрозненно вводило в бой все новые и новые части, которые последовательно уничтожались немцами, но так и не смогли выполнить задачу, пока к хутору Вертячий с запада не подошли части 65-й армии, вынудив немцев к отступлению.

Формат статьи не позволяет дать ответы на все обозначенные выше вопросы и противоречия в описании событий Вертячийской операции в мемуарной литературе. Однако необходимо отметить, что в архивных фондах мы встречаем ряд документов, содержащих некоторые попытки проанализировать причины ее неудачного проведения. В частности, подобного рода описания содержатся в текстах журналов боевых действий 24-й армии [20. Д. 9. С. 21–53], 84-й стрелковой дивизии [19. Д. 2] и др.

Значительный интерес представляет документ под названием «Действия 49-й сд в наступательной опера-

ции 24 А в районе Вертячий» [20. Д. 116. С. 40], который был представлен офицером Генштаба Красной Армии капитаном Тимофеевым 31 декабря 1942 г. в штаб 66-й армии. В нем был дан анализ ошибок, допущенных при подготовке и проведении наступления на хутор Вертячий командованием 49-й стрелковой дивизией, а также командованием частей и подразделений, входивших в ее состав. Главный вывод сводился к констатации ряда причин тактического характера, по которым войска оказались не готовы к ведению наступления:

1) отсутствовала тщательная и непрерывная разведка противника и его переднего края. Вследствие этого начертание переднего края было определено неверно;

2) поскольку действительное начертание переднего края противника было определено неверно, то неверно выбрали рубеж перехода в атаку, а артиллерия не смогла обработать своим огнем передний край обороны противника;

3) войска оказались неподготовленными к наступлению, поскольку ни одно занятие не было проведено;

4) не было обеспечено взаимодействие артиллерии и пехоты и др.

Вместе с тем подобного рода аналитические документы практически не содержат анализа и оценки действий командования более высокого звена – армейского и фронтового – в ходе подготовки и проведения Вертячийской операции. Данная задача достаточно трудно разрешима не только по причине малочисленности аналитических документов в составе архивных фондов, но и в силу наличия достаточно значительных пробелов в составе документов, которые были выявлены в ходе изучения документального фонда командования и штаба Донского фронта, представленного на интернет-портале «Память народа». Например, из документов, содержащихся в фонде 206, опись 262, который содержит 213 номеров дел (по порядку) не опубликовано (или отсутствует?) 90 дел. Практически полно-

стью отсутствуют документы артиллерийских частей и командования артиллерией 24-й армии и Донского фронта, которые бы позволили оценить роль данного рода войск в фактическом провале Вертячийской операции. Также сложно оценить степень осведомленности командования Красной Армией о войсках противника, занимавших оборону на подступах к Вертячему накануне наступления. В фондах имеются лишь немногочисленные и разрозненные разведсводки; аналитические материалы о составе и численности войск противника накануне и в ходе операции отсутствуют.

Таким образом, исчерпывающие ответы на целый ряд поставленных в данной работе вопросов в настоящее время пока не могут быть представлены. Авторы могут лишь надеяться, что дальнейшая работа по раскрытию и публикации документов на интернет-портале будет способствовать решению указанных вопросов.

В заключение настоящего исследования авторы полагают необходимым констатировать, что современная ситуация в области изучения истории Великой Отечественной войны, связанная с расширением доступа историков к значительному массиву документов того периода, с одной стороны, открывает новые уникальные возможности для изучения малоизвестных событий войны, позволяя выявить проблемные аспекты в имеющихся подходах к их интерпретации. Применительно к событиям, связанным с подготовкой и проведением Вертячийской операции, были выявлены многочисленные противоречия в ее описании, содержащиеся в мемуарной литературе. Установлено, что многие аспекты операции могут быть реконструированы на основе представленных на интернет-портале документов. С другой стороны, исследование показало, что ряд поставленных вопросов пока невозможно исчерпывающим образом разрешить без проведения дальнейшей работы по открытию доступа к более широкому перечню документов о событиях Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 320. Оп. 4522. Д. 1–12.
2. Самсонов А.М. Сталинградская битва. М. : Наука, 1989. 627 с.
3. Воронцов Т.Ф., Бирюков Н.И., Смекалов А.Ф., Шинкарев И.И. От волжских степей до австрийских Альп: боевой путь 4-й гвардейской армии. М. : Воениздат, 1971. 256 с.
4. Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М. : Яуза ; Эксмо, 2008. 448 с.
5. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1. 415 с.
6. Василевский А.М. Дело всей жизни. М. : Политиздат, 1978. 552 с.
7. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М. : Воениздат, 1969. 384 с.
8. Горбатов А.В. Годы и войны. М. : Воениздат, 1989. 366 с.
9. Архипов В.С. Время танковых атак. М. : Яуза ; Эксмо, 2009. 352 с.
10. Бирюков Н.И. На огненных рубежах: 214-я Кременчугско-Александровская стрелковая дивизия. Уфа : Башкиргоиздат, 1969. 187 с.
11. Батов П.И. В походах и боях. М. : Воениздат, 1974. 528 с.
12. Журнал боевых действий 6-й армии. 13 ноября // Nordriegelstellungen 1942. Немецкие дивизии в Сталинградской битве. URL: <https://nordriegel.livejournal.com/?skip=80&tag=aok.6> (дата обращения: 15.09.2018).
13. Центральному архиву Министерства обороны РФ – 70 лет! URL: <http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/719-----70-.pdf> (дата обращения: 13.09.2018).
14. Об отборе и сдаче на хранение архивных дел и материалов войсковых частей, соединений, учреждений и заведений Красной Армии : приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 0331 от 30.08.1941. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/03.html (дата обращения: 14.09.2018).
15. Об устранении недостатков в отборе и сдаче архивных материалов для хранения : приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 0174 от 05.03.1942. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/09.html (дата обращения: 14.09.2018).
16. О сохранении военно-исторических документов Отечественной войны и своевременной сдаче их историко-архивному отделу НКО : приказ заместителя Народного комиссара обороны № 0290 от 30.08.1944. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/11.html (дата обращения: 14.09.2018).

17. О персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время : приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 138 от 15.03.1941. URL: <http://soldat.ru/files/4/6/15/294/> (дата обращения: 14.09.2018).
18. Наставление по полевой службе штабов Красной Армии. М. : Воениздат НКО СССР, 1942. 256 с. URL: <http://scansbooks.ru/catalog/polevaiaslužba.html> (дата обращения: 14.09.2018).
19. ЦАМО. Ф. 6363. Оп. 87570с. Д. 2.
20. ЦАМО. Ф. 206. Оп. 262. Д. 1–213.

Alexander Yu. Chmykhalo, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sanichtom@inbox.ru

Peter A. Vinarskiy, Seversky Cadet Corps (Seversk, Russian Federation). E-mail: oip71@mail.ru

OPERATION VERTYACHYIY OF THE RED ARMY IN THE NATIONAL MEMORIAL LITERATURE AND ARCHIVAL DOCUMENTS

Keywords: battle of Stalingrad, Don Front, the 24th army.

This research is devoted to the study of a major historical event during the Great Patriotic War, the description of which in the historical literature and archival documents is contradictory and problematic – this is the offensive of the 24 army of the Don Front in the direction of the Vertyachy Khutor, carried out from 22 to 30 November 1942. This offensive was part of a larger-scale operation “Uranus” – a counter-offensive by the Red Army troops to encircle the German fascist forces at Stalingrad.

The purpose of the research is to analyze the materials talking about the offensive of the troops of the 24th army in the direction of the Vertyachy Khutor, to identify problematic aspects in the description of the events of this operation and to outline promising areas of their study. In the course of realizing this goal, a set of tasks was solved: a comparative historical analysis of the content of memoir literature and archival documents, which dealt with the events of the attack on the Vertyachy Khutor, was carried out.

The main sources of the research:

firstly, the numerous memoir literature, in which the events of the Vertyachy operation are considered to one degree or another: the memoirs of the commander of the Don Front, Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky “Soldier’s duty”, memoirs of the deputy commander of the 24th army, General A.V. Gorbatov “Years and Wars”, memoirs of the commander of the 109th tank brigade of the 16th tank corps V.S. Arkhipov “Time of tank attacks”, memoirs of the commander of the 214th rifle division, General N.I. Biryukov “On the lines of fire: the 214th Kremenchug-Alexandria Rifle Division”, “In campaigns and battles” of the former commander of the 65th Army, General P.I. Batov;

secondly, documents of the Red Army formations, units and subdivisions posted on the Internet portal “Memory of the People” (URL: <https://pamyat-naroda.ru/>), namely, operational reports, combat orders, combat reports, combat logs, directives and instructions, reconnaissance bulletins and reports, plans of operations, maps, diagrams, information from units and subunits of the 24th Army and other units, and formations of the Don Front.

As a result of the following research, the number of problematic aspects was identified in historical description of the events of this operation. Many of these aspects cannot be resolved without open access to a wider list of data on the events of the Second World War.

REFERENCES

1. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 320. List 4522. File 1–12.
2. Samsonov, A.M. (1989) *Stalingradskaya bitva* [The Battle of Stalingrad]. Moscow: Nauka.
3. Vorontsov, T.F., Biryukov, N.I., Smekalov, A.F. & Shinkarev, I.I. (1971) *Ot volzhskikh stepey do avstriyskikh Al'p: boevoy put' 4-y gvardeyskoy armii* [From the Volga steppes to the Austrian Alps: The combat path of the 4th Guards Army]. Moscow: Voenizdat.
4. Isaev, A.V. (2008) *Stalingrad. Za Volgoy dlya nas zemli net* [Stalingrad. There is no land for us beyond the Volga]. Moscow: Yauza; Eksmo.
5. Zhukov, G.K. (2002) *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and Reflections]. Vol. 1. Moscow: OLMA-PRESS.
6. Vasilevskiy, A.M. (1978) *Delo vsey zhizni* [Life’s Work]. Moscow: Politizdat.
7. Rokossovskiy, K.K. (1969) *Soldatskiy dolg* [Soldier’s Duty]. Moscow: Voenizdat.
8. Gorbatov, A.V. (1989) *Gody i voyny* [Years and wars]. Moscow: Voenizdat.
9. Arkhipov, V.S. (2009) *Vremya tankovykh atak* [Time for tank attacks]. Moscow: Yauza; Eksmo.
10. Biryukov, N.I. (1969) *Na ognennykh rubezhakh: 214-ya Kremenchugsko-Aleksandriyskaya strelkovaya diviziya* [On the fiery lines: 214th Kremenchug-Alexandria Rifle Division]. Ufa: Bashkngoizdat.
11. Batov, P.I. (1974) *V pokhodakh i boyakh* [In campaigns and battles]. Moscow: Voenizdat.
12. Open History Project. (n.d.) Zhurnal boevykh deystviy 6-y armii. 13 noyabrya [Journal of combat operations of the 6th army. November 13]. In: *Nordriegelstellungen 1942. Nemetskie diviziony v Stalingradskoy bitve* [Nordriegelstellungen 1942. German Divisions in the Battle of Stalingrad]. [Online] Available from: <https://nordriegel.livejournal.com/?skip=80&tag=aok.6> (Accessed: 15th September 2018).
13. Anon. (n.d.) *Tsentral'nomu arkhivu Ministerstva oborony RF – 70 let!* [The Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation is 70 years old!]. [Online] Available from: <http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/719-----70-.pdf> (Accessed: 13th September 2018).
14. USSR. (1941) *Ob otbore i sdache na khranenie arkhivnykh del i materialov voyskovykh chastey, soedineniy, uchrezhdeniy i zavedeniy Krasnoy Armii: prikaz Narodnogo komissara oborony Soyuzov SSR № 0331 ot 30.08.1941* [On the selection and deposit of archival files and materials of military units, formations, institutions and institutions of the Red Army: Order No. 0331 of the People’s Commissar of Defense of the USSR dated 08/30/1941]. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/03.html (Accessed: 14th September 2018).
15. USSR. (1942) *Ob ustraneniі nedostatkov v otbore i sdache arkhivnykh materialov dlya khraneniya: prikaz Narodnogo komissara oborony Soyuzov SSR № 0174 ot 05.03.1942* [On elimination of shortcomings in the selection and delivery of archival materials for storage: Order No. 0174 of the People’s Commissar of Defense of the USSR dated March 5, 1942]. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/09.html (Accessed: 14th September 2018).
16. USSR. (1944) *O sokhraneniі voenno-istoricheskikh dokumentov Otechestvennoy voyny i svoevremennoy sdache ikh istoriko-arkhivnomu otdelu NKO: prikaz zamestitelya Narodnogo komissara oborony № 0290 ot 30.08.1944* [On the preservation of military-historical documents of the Patriotic War and their timely submission to the historical-archival department of the NCO: Order No. 0290 of the Deputy People’s Commissar of Defense of August 30, 1944]. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/11.html (Accessed: 14th September 2018).
17. USSR. (1941) *O personal'nom uchete poter' i pogrebeniі lichnogo sostava Krasnoy Armii v voennoe vremya: prikaz Narodnogo komissara oborony Soyuzov SSR № 138 ot 15.03.1941* [On the personal registration of losses and burial of the personnel of the Red Army in wartime: Order No. 138 of the People’s Commissar of Defense of the USSR of March 15, 1941]. [Online] Available from: <http://soldat.ru/files/4/6/15/294/> (Accessed: 14th September 2018).
18. USSR. (1942) *Nastavlenie po polevoy sluzhbe shtabov Krasnoy Armii* [Manual on the Field Service of the Headquarters of the Red Army]. Moscow: Voenizdat NKO SSSR. [Online] Available from: <http://scansbooks.ru/catalog/polevaiaslužba.html> (Accessed: 14th September 2018).
19. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 6363. List 87570s. File 2.
20. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 206. List 262. File 1–213.